

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.06

Правильная ссылка на статью:

Гибадуллин Р. М., Нуруллина Р. В. Имамы в современном Татарстане: типология и тенденции развития // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 128—140. DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.06.

For citation:

Gibadullin R. M., Nurullina R. V. Imams in modern Tatarstan: typology and development trends. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018. № 2. P. 128—140. DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.06.

Р. М. Гибадуллин, Р. В. Нуруллина ИМАМЫ В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСТАНЕ: ТИПОЛОГИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

ИМАМЫ В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСТАНЕ: ТИПОЛОГИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

ГИБАДУЛЛИН Рустам Марсельевич — кандидат исторических наук, доцент, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, Набережные Челны, Россия.

E-MAIL: nafisagi@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4273-3731

НУРУЛЛИНА Роза Вагизовна — кандидат социологических наук, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, Набережные Челны, Россия.

E-MAIL: ernuru@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2937-3359

IMAMS IN MODERN TATARSTAN: TYPOL- OGY AND DEVELOPMENT TRENDS

*Rustam M. GIBADULLIN*¹ — Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor

E-MAIL: nafisagi@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4273-3731

*Roza V. NURULLINA*¹ — Cand. Sci. (Soc.)

E-MAIL: ernuru@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2937-3359

¹ Naberezhnye Chelny Institute (branch) Kazan Federal University, Naberezhnye Chelny, Russia

Аннотация. Фокус исследования направлен на имамов — религиозных деятелей, на которых ориентированы рядовые верующие-мусульмане в своих представлениях о нормативно-ценностных основаниях действия и взаимодействия. Это делает имамов важным и актуальным объектом исследования, позволяющим понять процессы, определяющие перспективы развития ислама в России. В работе проанализированы социальные условия и факторы формирования корпуса имамов в постсоветском Татарстане. Эмпирическую основу исследования составили материалы анкетного опроса имамов — слушателей курсов повышения квалификации при Российском исламском университете (Татарстан, г. Казань). Анализ и концептуализация результатов исследования позволили авторам разработать типологию современных имамов Татарстана как религиозных профессионалов. Предложенная типология, построенная с учетом социальных условий формирования института имамов, включает в себя советскую и постсоветскую генерации и составляющие их группы. Были исследованы наиболее массовые и типичные в рамках своих генераций подгруппы: «народные мุลлы», имамы-«неофиты» и имамы-«специалисты».

Ключевые слова: ислам, типология имамов, религиозное образование, мечеть, мусульманская община

Abstract. The article is focused on Imams. Imams are religious figures towards which ordinary Muslims are oriented in their views and values. This makes Imams an important object of the study in an attempt to understand the prospects of the Muslim development in Russia. The article provides an analysis of social conditions and factors driving the formation of the Imam Community in post-Soviet Tatarstan. The empirical basis of the study is the data of a questionnaire-based survey among Imams who were the participants of advanced training short courses in Russian Islamic university (Kazan, Tatarstan). Based on the results of the study the authors developed a typology of the community of Imams as religious professionals. The modern imam typology is closely tied to social conditions affecting the institution of Imam and includes Soviet and post-Soviet generations and their groups. Those groups which were the largest and the most typical within their generations were considered («popular mullahs», «Imams-neophytes» and «Imams-professionals»).

Keywords: Islam, typology of Imams, religious education, mosque, Muslim community

Состояние постсоветского сообщества имамов рассмотрим на примере Татарстана — одного из старейших российских регионов распространения ислама. Вниманию читателей предлагается операционализация результатов социологического исследования, проведенного нами в 2011—2016 гг. и позволившего разработать типологию двух генераций постсоветских имамов Татарстана. Ключевой

вопрос проекта: каково актуальное состояние интеллектуального и идеологического ресурса лидеров мусульманских общин Татарстана? Мы исходили из того, что советская атеистическая идеология имела своим практическим следствием резкое снижение уровня религиозной квалификации российских имамов. Само представление об исламе сузилось до его упрощенной народной версии, в которой функции имамов были сведены к обрядам [Набиев, 2004: 129]. Тем не менее именно имамы составляют ту референтную группу, на которую ориентированы рядовые члены мусульманской общины в своем понимании социальных стандартов ценностных/целевых ориентиров. А потому изучение современного состояния российского института имамов и его специфики представляется нам перспективным с точки зрения анализа и прогнозирования развития ислама в России.

В исламской традиции имам — это руководитель коллективной молитвы и/или лидер мусульманской общины. В историческом прошлом именно имам воспринимался в качестве религиозного руководителя, авторитетного знатока традиции, духовного наставника и шариатского арбитра¹. Публичный авторитет имамов всегда опирался на их неформальный статус и выборность. В данном контексте необходимо учитывать, что имам — это не священник, то есть быть избранным на эту должность может любой человек, пользующийся авторитетом и уважением членов общины, изучивший Коран и хадисы [Ньюби, 2007: 120; Старостин, 2009: 105]. Подобное сочетание неформального статуса и выборности характерно и для российского мусульманского сообщества имамов, в котором их принято называть также муллами [Ислам на европейском Востоке, 2004: 243].

В религиозной практике постсоветских российских мусульман имамом считается «служитель» при мечети, избираемый местной общиной как ее лидер, обладающий авторитетом, компетентный в вопросах веры, способный руководить коллективной молитвой и читать проповедь. Социальный статус имама напрямую коррелирует с его положением как руководителя «первичного» звена в организационной структуре официальных духовных управлений.

Специфика формирования института имамов в постсоветский период во многом обусловлена тем, что в России отсутствовала необходимая инфраструктура, обеспечивающая получение российскими мусульманами традиционного исламского образования, а возможности обучения за рубежом были ограничены. Появившиеся в 1980—1990-е годы в большом количестве курсы по изучению основ ислама, арабской графики, намаза отличались невысоким уровнем преподавания. Только с середины 1990-х годов в среде имамов стали появляться первые выпускники местных медресе и зарубежных мусульманских учебных заведений [Якупов, 2004].

На процесс формирования института имамов существенно повлияла автономность мусульманских общин от официальных структур. В соответствии с исламской традицией самоорганизации общины проявляли полную самостоятельность в выборе своих лидеров. На практике подход общин был далеко не всегда критичным, поскольку их потребности в 1990—2000-е годы чаще сводились к ритуалам. В результате в сельской местности имамами становились лица без систематического

¹ Ибрапилов И. Имам и его особый статус [Электронный ресурс] // Обзор СМИ. 2012. URL: http://www.obzor-smi.ru/dagestan/8726-имам___i_ego_osobyiy_status.html (дата обращения 30.02.2018).

религиозного образования. В крупных городских общинах они не имели шанса стать имамами, но могли быть включены в штат мечети в качестве муэдзина или помощника имама [Якупов, 2005: 24]. Кроме того, статус имамов получали приверженцы самых разных течений в исламе и политических взглядов, в том числе не совпадающих с позицией официальных духовных управлений. Общины сами решали, какими критериями следует руководствоваться при выборе имама, какой уровень его квалификации может удовлетворять потребностям общины, какие пути получения религиозного образования нужно использовать и проч.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что сообщество имамов Татарстана внутренне неоднородно как с точки зрения уровня религиозной квалификации, так и с точки зрения ориентации на те или иные течения и направления в исламе. На наш взгляд, данное обстоятельство не должно рассматриваться как некая аномалия или отклонение от исламской традиции, которая поощряет внутреннее разнообразие уммы.

Считаем необходимым подчеркнуть, что сложившаяся неоднородность общества отчасти обусловлена и особенностями религиозного возрождения в постсоветский период. Этот процесс был отмечен быстрым и часто стихийным ростом количества мечетей и официально регистрируемых мусульманских общин, в результате чего стал ощущаться дефицит квалифицированных имамов, способных обеспечить их полноценную жизнедеятельность. Если в конце 1980-х годов в Татарстане на 18 зарегистрированных мечетей приходилось не более 30 религиозных деятелей разного уровня, имевших официальный статус и соответствующую религиозную подготовку, то на 1 января 1990 г. на 154 общины приходилось всего 67 имамов и муэдзинов. Из этих 67 высшее религиозное образование было всего у одного человека, а среднее религиозное — у восьми [Гайнутдин, 2004: 31; Мухаметшин, 2003: 251]. Таким образом, несмотря на быстрый рост всех показателей, коэффициент количества служителей на одну мечеть значительно снизился (с 1,7 на 0,4), то есть потребность в них стала ощущаться острее.

В качестве ключевого метода обследования имамов Татарстана мы использовали персональное интервьюирование при помощи формализованной социологической анкеты. В число основных индикаторов были включены социально-демографические характеристики имамов, условия и факторы их социализации, этноязыковые, социокультурные, идеологические и иные предпочтения, степень готовности и возможности повышать свой образовательный статус, совершенствовать религиозные знания, навыки и умения и пр.

Выборка сформирована путем сплошного опроса слушателей краткосрочных курсов в Центре повышения квалификации работников религиозных организаций и преподавателей учебных заведений при Российском исламском институте (РИИ). Все слушатели курсов — в своей подавляющей массе служители сельских мечетей (имамы) из Татарстана и других регионов Поволжья. Наличие предварительных данных по генеральной совокупности позволило применить при формировании выборки метод основного массива [Горшков, Шереги, 2009: 202]. По данным Духовного управления мусульман Республики Татарстан (ДУМ РТ), в 2014 г. в Татарстане насчитывалось 1430 мечетей, в которых работало 1373 имама. Проведенным нами анкетным опросом удалось охватить 700 имамов-респон-

дентов из Татарстана. Они составляют немногим более половины от генеральной совокупности и в той или иной степени представляют все 45 городских и сельских территориальных подразделений (мухтасибатов) и 9 округов шариатского судопроизводства (казыятов), находящихся в ведении ДУМ РТ.

Условия проведения опроса не предполагали применения квотной выборки, тем не менее в отношении типов населенных пунктов, в которых расположены мечети, а также выделенных нами регионов республики параметры выборочной совокупности в целом сопоставимы с параметрами генеральной совокупности. В таблицах 1 и 2 представлены результаты подсчитанных нами процентных соотношений мечетей, имеющих в выделенных нами регионах Татарстана, и имамов (таблица 1), а также параметры квот выборочной совокупности имамов по территориальной расположенности мечетей (таблица 2).

Таблица 1. Параметры квот выборочной совокупности по регионам РТ, в которых расположены мечети, %

Регионы РТ	Всего мечетей	Опрошено имамов
Северо-Запад	31	27,5
Юго-Запад	22	22
Центральная часть	15	24,5
Северо-Восток	18,5	16,8
Юго-Восток	13,5	9,2
Всего	100	100

Таблица 2. Параметры квот выборочной совокупности по типам населенных пунктов, в которых расположены мечети, %

Типы населенных пунктов РТ	Всего мечетей	Опрошено имамов
Города	8,5	8
Районные центры, поселки городского типа	6	11,3
Села	85,5	80,7
Всего	100	100

Как видно из таблицы 1, отклонение в соотношении представителей из Северо-Западного, Юго-Западного, Северо-Восточного и Юго-Восточного регионов не выходит за пределы допустимых 5%. Исключение составляет только доля респондентов из центральной части республики. Из таблицы 2 следует, что столь же незначительны отклонения по контролируемому признаку «типы населенных пунктов РТ». Параметры выборочной совокупности здесь максимально близки в отношении городов и сельских поселений и незначительно превышены в случае с районными центрами и поселками городского типа.

Учитывая этноязыковую специфику региона, в ходе опроса респондентам была предоставлена возможность выбора анкет на татарском и русском языках. В ре-

зультате около 90 % респондентов предпочли заполнить анкеты на татарском языке, что также соответствует языковой структуре генеральной совокупности. Таким образом, соблюдение квот по указанным параметрам обеспечило разбиение генеральной совокупности на два эквивалентных массива, выборочная совокупность в достаточно полной мере представляет генеральную, что гарантирует сведение ошибки репрезентативности до минимума (согласно принятому в теории выборки принципу основного массива — не более 5 %) [Горшков, Шереги, 2009: 212—213].

Обучавшиеся на курсах имамы в своем большинстве — это представители старшего поколения, воспитанные советским временем и ощущающие недостаток в специальном религиозном образовании и глубоких знаниях об исламе. Такая категория респондентов дает важный срез в изучении состояния и эволюции общественного мировоззрения российских мусульман, который позволяет фиксировать его некое исходное состояние, характерное для начального этапа исламского возрождения в России и понять, в какой мере оно воспроизводится.

Анализ полученных данных и опыт предшествующих исследований этого объекта [Мухаметшин, 2003; Якупов, 2005; Патеев, 2006; Марданшин, 2016] позволили нам предложить дескриптивную типологию сообщества имамов в постсоветском Татарстане. Смыслообразующим, осевым критерием нашей типологии выступает уровень религиозной подготовки имамов. Согласно этому критерию, корпус современных имамов Татарстана включает в себя две генерации — советское и постсоветское поколения. В состав каждой входят разнообразные группы, различающиеся по типу формирования. Отличительные признаки генераций классифицируются по следующим параметрам: социально-демографические характеристики, происхождение и статус, уровень светского образования и религиозной подготовки, идеологические предпочтения и социокультурные ориентации, стиль самопрезентации, включая способы взаимодействия с официальными религиозными структурами. Итак, рассмотрим подробно изученные генерации имамов.

Генерация имамов, сложившаяся в советское время, включает две подгруппы: «думесовцы» и «народные муллы». Первые сумели получить религиозное образование еще в советское время в бухарском медресе «Мир-Араб». Они начали свою религиозную карьеру при немногочисленных тогда мечетях и получили формальный статус в системе духовного управления (ДУМЕС). За редким исключением «думесовцы» сохранили свойственный им прежде конформизм и консерватизм. Они пользуются авторитетом среди рядовых верующих, располагают значительным опытом работы как в советский, так и в постсоветский периоды.

Вторые — «народные муллы» — это преимущественно сельские имамы, действовавшие в советский период (как правило, неофициально) и легализованные только в постсоветское время. Они, как правило, слабо образованы в религиозной традиции, в своей деятельности ориентированы на так называемый народный ислам. Последний всегда характеризуется определенной обособленностью и автономностью от официальных мусульманских организационных структур. Его идеологическое ядро — «народная» ритуальная практика, критикуемая мусульманской образованной элитой.

Генерация имамов, сложившаяся в постсоветское время, представлена тремя группами: имамы-«специалисты», имамы-«зарубежники», имамы-«неофиты».

Имамы-«специалисты» — это выпускники, дипломированные специалисты российских мусульманских учебных заведений, созданных в постсоветский период. Сюда входят представители самых разных возрастных групп, получившие образование примерно в одно время и в одних и тех же учреждениях благодаря наличию в них разнообразных форм обучения. Качество их религиозно-профессиональной подготовленности напрямую коррелирует как с уровнем учебного заведения (исламские университеты, институты, высшие и средние медресе), так и с формой обучения (очной, очно-заочной и заочной). Главная характеристика данной группы — привитая им в стенах образовательных учреждений лояльность и приверженность официальному курсу духовных управлений.

Имамы-«зарубежники» представлены мусульманской молодежью, получившей или продолжившей религиозное образование за рубежом. Они располагают высокой теологической и правовой подготовкой, нередко сочетающейся с фундаменталистской ориентацией. В силу этого зачастую становятся объектом критики со стороны официальных исламских структур региона, придерживающихся традиционного для Поволжья ханафитского мазхаба. Эту группу имамов часто маркируют как носителей «чуждых» традиций и «агентов» зарубежного влияния [Шаповалов, 2011: 110].

Группу имамов-«неофитов» составляют активисты религиозных общин, ставшие практикующими мусульманами в постсоветское время на волне религиозного возрождения в РФ. Они представлены разными стратами, включая интеллигенцию. Как это часто бывает свойственно неофитам, активным в своих религиозных поисках, они в наибольшей степени подвержены различным идеологическим влияниям в исламе, в том числе идеалам исламской общинной «самостийности», поэтому данная группа имамов, несмотря на их относительно слабую религиозную подготовку, особенно интересна для анализа.

Наше исследование охватило три группы имамов, каждая из которых по количеству респондентов представлена следующим образом: «народные муллы» — 22 человека; имамы-«специалисты» — 190 человек; имамы-«неофиты» — 488 человек. Это самые массовые и типичные в рамках своих генераций группы. Их сравнительный анализ позволяет выявить некоторые прогностические тенденции в динамике вызревания института имамов постсоветского религиозного континуума. Обратимся к результатам сравнительного анализа.

Группу «народных мулл» составляют татары (95 %) преимущественно пенсионного возраста (76 %), татароязычные (91 %) жители сельской местности (90 %), в прошлом — люди рабочих профессий (86,5 %). Из них половина не имеет светского среднего образования, все остальные — только среднее (в том числе среднее профессиональное). 45,5 % опрошенных из группы «народных мулл» не получили религиозного образования вовсе, что объясняется условиями советского времени. Остальные 50 % опрошенных обучались лишь в начальных или средних исламских учебных заведениях в постсоветский период. Отсюда — почти полное незнание ими арабского языка — 95,5 % наших респондентов признали, что практически им не владеют.

«Народные муллы» представлены возрастной категорией старше 60 лет, не мотивированы либо не имеют возможности повышать религиозное образование в учебных заведениях (отмечено 68 % респондентов). Такой их позиции способствует слабая востребованность интеллектуальной квалификации имамов на селе. Так, говоря о своих функциях в общине, 45,5 % респондентов в данной группе указали на проведение ритуалов, и только 18 % — на функцию религиозного просвещения. Низким образовательным уровнем «народных мулл» объясняется и то, что большая их часть не пользуется компьютерной техникой (63,6 % не имеют ее ни дома, ни в мечети). Тем не менее они в основной своей массе демонстрируют стремление пополнять недостающие религиозные знания. Характерно, что для этого ими применяются преимущественно традиционные методы, среди которых первостепенное значение сохраняют библиотеки при мечетях (45,5 % респондентов данной группы выразили потребность в обновлении фондов своих библиотек).

На социальных установках и поведении «народных мулл», возможно, продолжает сказываться свойственное традиционному «народному» исламу неявное, но всегда так или иначе проявлявшееся стремление дистанцироваться от официальных религиозных структур, минимизировать их контроль над деятельностью имамов и общин. Например, только 18 % респондентов данной группы считают необходимым обращаться за консультацией в официальные религиозные структуры (мухтасибаты и муфтияты). Преимущественные 82 % респондентов предпочитают использовать для этого различные неофициальные каналы (самостоятельно изучать религиозную литературу, советоваться с авторитетными коллегами и т. д.). Неудивительно, что значительная часть «народных мулл» не поддерживают идею официальной аттестации имамов, продвигаемую духовными управлениями. Так, на соответствующий вопрос ответили отрицательно, либо затруднились ответить 56 % опрошенных. Аналогичная отрицательная оценка была обнаружена и при ответе на вопрос о введении обязательного для имамов регулярного повышения квалификации (43 % против).

В группе *«имамов-специалистов»* практически все татары (96,3 %), татароязычные (88 %) жители села (84,8 %), детство которых прошло также в сельской местности (80 %), в прошлом — не только люди рабочих профессий (51,8 %), но и носители более высокого социального статуса (интеллигенция, руководители, предприниматели — 26,1 %). Имам-«специалист» характеризует в целом относительно высокий уровень общего (светского) среднего, в том числе среднего профессионального, (52,9 %) и высшего (32,4 %) образования. Определяющим же признаком этой группы является наличие религиозного образования, в том числе среднего — 60,6 %, высшего — 39,4 %. Несмотря на это, они ощущают недостаточность своей религиозной квалификации, поскольку 78 % признали, что плохо владеют арабским языком, а 62,4 % считают для себя необходимым продолжить образование.

Относительно равномерно в группе распределены представители разных поколений: молодого (до 35 лет — 23,9 %), среднего (до 60 лет — 38,7 %) и старшего (свыше 60 лет — 36,9 %). Один респондент возраст не указал (0,5 %). Это является следствием того, что в постсоветское время более свободным доступом к исламскому образованию и профессиональной религиозной деятельности в равной

мере стали пользоваться люди разных возрастов, причем такая разновозрастная структура сохраняется и воспроизводится на протяжении последних 20 лет. Как видно из таблицы 3, в которой представлены результаты группировки массива имамов-«специалистов» по возрасту и стажу работы, начало работы чаще всего совпадает с окончанием религиозного учебного заведения. Показательно, что продолжительность работы в мечети у разных возрастных групп примерно одинаковая и соответствует средним показателям.

Таблица 3. **Зависимость стажа работы в мечети от возраста респондентов, %**

Возраст	Стаж до 1 года	Стаж 2—5 лет	Стаж 6—10 лет	Стаж 11—20 лет	Стаж свыше 20 лет	Всего
До 35 лет	20	45	25	10	0	100
35—60 лет	18,1	43,5	19,8	15,8	2,8	100
Свыше 60 лет	18,6	36,3	23,3	17,8	4	100

Несмотря на возрастные различия в группе имамов-«специалистов», условия их первичной социализации были схожими. Так, их детство в большинстве случаев прошло в районах с преобладанием мусульманского населения (72,2%), у всех в родительских семьях были верующие мусульмане (94,4%), которые в той или иной мере выполняли основные религиозные предписания (81,4%), а почти у половины респондентов этой группы среди родственников были имамы (46,2%). Таким образом, большая часть имамов-«специалистов» были приобщены к исламу еще в детском или подростковом возрасте (60%).

В большинстве своем имамы-«специалисты» не располагают значительным опытом религиозной работы — 53,1% имеет стаж работы в мечети менее пяти лет. Однако благодаря исламскому образованию они ставят больший акцент на религиозном просвещении (31,6%) и проявляют большую заинтересованность в пополнении библиотечных фондов своих мечетей (70,3%). В то же время, несмотря на сравнительно высокий образовательный уровень, лишь чуть больше половины из них используют в своей работе компьютерную технику и интернет (57,3%).

Как выпускники официальных учебных заведений, функционирующих под эгидой духовных управлений, имамы-«специалисты» демонстрируют по отношению к ним гораздо большую лояльность. Так, 30,2% респондентов данной группы считают необходимым брать консультации по вопросам мусульманского вероучения и права в официальных религиозных структурах (мухтасибатах и муфтияте). Подавляющее большинство имамов-«специалистов» приветствуют проведение духовными управлениями аттестации имамов и обязательное повышение квалификации. Так, только 21% и 17,6% соответственно не считают эти меры целесообразными (у «народных мулл» эти показатели — 56% и 43%).

Группу имамов-«неофитов» также составляют татары (95,6%), татароязычные (95,8%) жители сельской местности (88,5%). В их возрастной структуре преобладает доля лиц пенсионного возраста (70,4%) и почти полностью отсутствует молодежь (до 35 лет — 3,7%). Религиозная социализация также достаточно типична и об-

условлена фактором семейной преемственности: у 99,1 % респондентов все или некоторые члены родительской семьи были верующими, которые полностью или частично выполняли религиозные предписания (88,4 %), у 38 % среди родственников были имамы. Вместе с тем имамы-«неофиты» имеют некоторые особенности. В их среде относительно высока доля лиц, ставших мусульманами во взрослом возрасте (35,7 %), в том числе в результате длительных мировоззренческих поисков. Кроме того, несмотря на сходство с «народными муллами», они по некоторым значимым характеристикам ближе к более продвинутым имамам-«специалистам». Так, доля имамов-«неофитов» со сравнительно высоким социальным статусом (интеллигенция, руководители, предприниматели — 22,5 %) сопоставима с аналогичным показателем у имамов-«специалистов», а у 22,9 % имеется высшее образование (напомним, что в группе бывших «народных мулл» с аналогичной возрастной структурой оно отсутствует вовсе).

Группу имамов-«неофитов» определяют следующие признаки: небольшой опыт практической работы (61,8 % имеют стаж в должности имама до пяти лет, в то время как даже у более молодых имамов-«специалистов» таковых 53,1 %); низкий уровень религиозной подготовки (73,3 % не имеют никакого религиозного образования, остальные имеют только начальное, и, как следствие, 98 % практически не владеют арабским языком). Существенная часть опрошенных не выразила желания пройти полноценное обучение в религиозном учебном заведении (61 %). Осознание имамами-«неофитами» своих функций, направленных на поддержание религиозно-образовательного потенциала в общине, совпадает с таковым в группе «народных мулл». Установка на религиозное образование и просвещение актуальна только для 15,6 %, то есть даже в меньшей степени, чем в предыдущих группах (у имамов-«специалистов» — 31,6 %, у бывших «народных мулл» — 18 %). Сходная установка обнаружена респондентами этой группы и в отношении использования компьютерной техники и пополнения библиотечных фондов. Однако представители этой группы критично оценивают свои профессиональные качества и демонстрируют готовность улучшать их по мере возможности. Об этом свидетельствует то, что 71,9 % считают обязательным регулярное повышение служителями мечетей своей квалификации, и 61,6 % высказываются за необходимость контроля со стороны ДУМ РТ за уровнем подготовки имамов (напомним, что среди бывших «народных мулл» эти показатели составляют, соответственно, 57 % и 44 %).

Ранее мы отметили идейную и идеологическую неоднородность группы имамов-«неофитов». В значительной мере это объясняется их религиозной активностью и восприимчивостью к различным установкам и течениям в исламе, обозначившимся на постсоветском пространстве. Кроме того, являясь представителями различных социальных слоев, они по-разному проявляют себя в исламе. Следует учитывать, что в современных условиях обострения угрозы экстремизма свойственные имамам-«неофитам» разнообразные идеологические ориентации не всегда выражаются открыто. Тем не менее они все же проявляются косвенным образом, например, в ответах респондентов на вопрос о том, как они восполняют недостаток религиозных знаний. Так, одни предпринимают характерное для фундаменталистов самостоятельное исследование с непосредственным обращением к тексту Корана и хадисов (59,7 %). Другие в духе татарского традиционализма

предпочитают консультации и разъяснения со стороны официальных религиозных инстанций (мухтасибатов, муфтията, казыята) (39,2%). Третьи проявляют себя как последователи традиции калама, стараясь опираться на труды известных богословов (25,9%). Хотя в нашей анкете эти варианты ответов не были альтернативными и могли совмещаться, в них выражались идейные установки, которые в реальной практике если не взаимоисключают друг друга, то являются приоритетными для тех или иных противостоящих течений в исламе.

В заключение подведем итоги. Предложенная нами типология современных имамов Татарстана, построенная с учетом социальных условий формирования института имамов, включает в себя советскую и постсоветскую генерации и составляющие их группы. Нами были исследованы наиболее массовые и типичные в рамках своих генераций подгруппы: «народные муллы», имамы-«неофиты» и имамы-«специалисты». «Народные муллы» представляют собой уходящее поколение, хотя и сохраняющее свое традиционное влияние. Напротив, имамы-«специалисты» — подгруппа с потенциально растущим удельным весом и значением. Имамы-«неофиты», численность которых была и остается существенной, занимают «маргинальное» положение в отношении противоположных по своим характеристикам бывших «народных мулл» и «специалистов». С одной стороны, «неофиты» вместе с бывшими «народными муллами» отличаются от остальной массы имамов рядом важных признаков: значительным возрастом, низким уровнем религиозного образования и отсутствием мотивированности на его повышение, слабым вниманием к просветительской деятельности в своей общине. С другой стороны, «неофиты» составляют определенное единство также со «специалистами», с которыми их объединяет более высокий социальный статус, обусловленный соответствующим уровнем (светского) образования. Такое смежное положение подгруппы имамов-«неофитов» с другими подгруппами делает ее в известном смысле ключевой для понимания реальных взаимодействий и изменений внутри корпуса имамов.

Анализ соотношения характеристик «специалистов» и «неофитов» показывает, что свойственное советскому периоду противоречие между конформизмом «дუმесовцев» и «народным» исламом не уходит в прошлое вместе с этим поколением, а, напротив, воспроизводится в рамках постсоветской генерации. Так, конформизм по отношению к официальным религиозным структурам демонстрируют имамы-«специалисты», а оппозиционность проявляется со стороны имамов-«неофитов», сохраняющих в своей среде идеологическое разнообразие и дух плюрализма. Эта оппозиционность хотя и проявляется, как и прежде, в мягких, латентных формах, все же выражается вполне характерно, например, в непризнании богословского авторитета духовных управлений и в отрицании необходимости усиления их контролирующих функций.

Список литературы (References)

Гайнутдин Р. И. Ислам в современной России. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2004.

Gainutdin R. I. (2004) Islam in modern Russia. Moscow: FAIR PRESS. (In Russ.)

Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Прикладная социология. Методология и методы. Учебное пособие. М. : Альфа-М, Инфра-М, 2009.

Gorshkov M. K., Sheregi F. E. (2009) Applied sociology. Methodology and methods. Tutorial. Moscow: Alpha-M, Infra-M. (In Russ.)

Ислам на европейском Востоке : Энциклопедический словарь. Казань : Магариф, 2004.

Islam in the European East: Encyclopedic Dictionary. (2004) Kazan: Magarif. (In Russ.)

Марданшин М. М. Условия становления духовных лидеров в Татарстане в постсоветское время // IV Форум преподавателей мусульманских образовательных организаций: материалы международной научно-практической конференции (Казань, 28—29 сентября 2016 г.) / под ред. Р.Р. Закирова. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 124—131.

Mardanshin M. M. (2016) Conditions for the formation of spiritual leaders in Tatarstan in the post-Soviet period. In: IV Forum of teachers of Muslim educational organizations: materials of the international scientific and practical conference (Kazan, September 28—29, 2016) / Ed. by R. R. Zakirova. Kazan: Publishing house of Kazan University. P. 124—131. (In Russ.)

Мухаметшин Р. М. Татары и ислам в XX веке (Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана). Казань : Фэн, 2003.

Mukhametshin R. M. (2003) Tatars and Islam in the XX century (Islam in the social and political life of the Tatars and Tatarstan). Kazan: Fan. (In Russ.)

Набиев Р. Н. Ислам в Советской России И СССР // Ислам на европейском Востоке: Энциклопедический словарь. Казань : Магариф, 2004. С. 128—129.

Nabiev R. N. (2004) Islam in Soviet Russia and the USSR. In: Islam in the European East: Encyclopedic Dictionary. Kazan: Magarif. P. 128—129. (In Russ.)

Ньюби Г. Краткая энциклопедия ислама / пер. с англ. ; М. : ФАИР ПРЕСС, 2007. 384 с. Newby G. (2007) A Brief Encyclopedia of Islam / Gordon Newby. Trans. from English. Moscow: FAIR PRESS. 384 p. (In Russ.)

Патеев Р. Ф. Политические аспекты мусульманского образования в России: история и современность : автореф. дисс. ... канд. политических наук. Ростов-на-Дону : Северо-Кавказская академия государственной службы, 2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/politicheskie-aspekty-musulmanskogo-obrazovaniya-v-rossii-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 23.09.2017).

Pateev R. F. (2006) Political aspects of Muslim education in Russia: history and modernity. Extended Abstract of Cand. Sc. Thesis. North Caucasus Academy of Public Administration. URL: <http://cheloveknauka.com/politicheskie-aspekty-musulmanskogo-obrazovaniya-v-rossii-istoriya-i-sovremennost> (accessed: 23.09.2017). (In Russ.)

Старостин А. Н. (2009) Мусульманские священнослужителя Урала в современный период // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2009. Т. 66. № 4. С. 101—109.

*Starostin A. N. (2009) Muslim clergymen of the Urals in the modern period. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: The humanities*. Vol. 66. No. 4. P. 101—109. (In Russ.)*

Шаповалов А. В. Проблемы институционализации исламского образования в современной России // *Власть*. 2011. № 3. С. 107—110.

Shapovalov A. V. (2011) Problems of the institutionalization of Islamic education in modern Russia. *Vlast'*. No. 3. P. 107—110. (In Russ.)

Якупов В. М. Ислам в Татарстане в 1990-е годы. Казань : Иман, 2005.

Yakupov V. M. (2005) Islam in Tatarstan in the 1990s. Kazan: Iman. (In Russ.)

Якупов В. М. Исламский компонент государственно-конфессиональных отношений в Татарстане в 90-е годы XX века (Историко-политический анализ) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 23.00.01. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2004.

Yakupov V. M. (2004) Islamic component of state-confessional relations in Tatarstan in the 90s of the XX century (Historical and political analysis). Extended Abstract of Cand. Sc. Thesis. Kazan: Institute of History n. a. Sh. Mardjani of Tatarstan Academy of Sciences. (In Russ.)